

Но позже в монастырях Ли Бо погрузился в таинства даосского учения о разрыве с цивилизацией, породившей конфликты, распри, дисгармонию в некогда целостном естественном организме человечества, об очищении Природой.

Несовместимость этих двух великих мировоззренческих структур Древнего Китая породила тяжелое противоречие в жизни Ли Бо, образовала глубочайшую трещину в чувствительной поэтической душе.

С Посланием Высшим Феникс

прилетел,

Небесной глубины прорезав синь, Но был отвергнут — вот его удел, Не приняли Послание в Чжоу-Цинь, Отчаявшись, брожу по свету я, Бездомный, одинокий человек. Мне так нужна Пурпурная ладья — Мирскую пыль отринул я навек.

Он считал себя волшебной птицей, несшей людям Послание о мире и гармонии, а суетный двор (в древних царствах Чжоу и Цинь столицы находились там же, где Чанъань, столица современной Ли Бо Танской империи, на которую и содержится намек в стихотворении) не сумел увидеть свет его души. Ну, что ж, отчаявшемуся поэту остается Пурпурная ладья, уносящая даосов в бессмертие (на мифическом острове Пэнлай, обители познавших тайны духовной трансформации даосов, те готовили Эликсир бессмертия, растирая минерал киноварь, и при

этом в воздух поднималась Красная" пыль; этот процесс и именовали «Пурпурной ладьей»).

Мятежную натуру Ли Бо разрыва разные искания. Бренное тело весь земной срок стремилось вписаться в конфуцианскую структуру государства своего «служения». Но структура не приняла его, отторгла как чужеродный элемент. В моменты высшего поэтического прозрения он отчетливо осознавал навал свою